

Письмо Жуковского къ Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ *)

2/14 Октября

Письмо, которымъ Ваше Императорское Величество меня удостоили, доставило мнѣ минуту истиннаго счастья. Затрудняюсь опредѣлить ощущение вызванное во мнѣ чтеніемъ этого милаго письма. Благодарность—чувство слишкомъ личное; читая его, я не столько думалъ о себѣ, сколько о Васѣ, о прямотѣ этого характера, по счастью мною вполне оцѣненнаго, о чувствительности Вашей души, объ этомъ нѣчто столь въ Васѣ благородномъ, возвышенномъ, искреннемъ во всѣхъ случаяхъ жизни, столь ясно-спокойномъ въ счастливыя минуты, столь религиозно-покорномъ въ пору тяжелыхъ испытаній. Все это вновь воскресло въ моей душѣ, и, поглощенный этимъ вызваннымъ мною и мнѣ столь знакомымъ плѣнительнымъ видѣніемъ, я сознавалъ себя вполне счастливымъ. Какъ чудно-хороши нѣкоторыя строки этого письма; онѣ заставили меня пролить нѣсколько слезъ. Какая невозградимая для меня потеря, что я не присутствовалъ при грустно-великихъ минутахъ Вашего коронованія. Какъ искренно скорблю, что не могъ быть свидѣтелемъ преданности, выказанной добрымъ московскимъ населеніемъ Вашему сыну, котораго Москва себѣ усыновила! я былъ пѣвцомъ его рожденія—все носило на себѣ какой-то пророческій отпечатокъ въ эту минуту, на вѣки незабвенную для моего сердца! Все то, что вылилось въ то время изъ-подъ пера моего по вдохновенію, можетъ служить какъ бы заглавнымъ листомъ всей его жизни. Лишь бы благое Провидѣніе даровало долгое царствование Его Августѣйшему Родителю! тогда онъ успѣетъ изучить на дѣлѣ свои высокія обязанности, и въ лицѣ его Вы оставите въ наслѣдіе преобразованной и возвеличенной Россіи прочное благоденствіе.

*) Это письмо Жуковского къ Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ, относящееся къ 1817 году, хотя вошло и въ „Полное собраніе сочиненій Жуковского“ изданія Сытина, но съ значительными сокращеніями, по условіямъ цензурнымъ, и поэтому считаемъ не лишнимъ любознѣности помѣщеніе какъ французскаго, такъ и русскаго текста полностью. Мѣста, означенныя скобками во французскомъ текстѣ, зачеркнуты.

lorqu' on le veut avec persévérance, on y parvient à la fin. L' Empereur a fait preuve du premier, le second est garanti par la fermeté de son caractère, qui ne faiblira pas devant les obstacles, et par son esprit juste, qui saura s'éclaircir par celui des autres.

Je dirai ici franchement: j'ai été un peu inquiet en pensant aux effets que produiraient les scènes magnifiques de Moscou sur l'esprit du grand duc, ces sortes d'impressions dans un âge aussi tendre, sont décisives pour le reste de la vie. (Entouré de ces hommages) Témoin de ces hommages publics, participant à quelques scènes presque comme acteur, il pouvait très-facilement se remplir de quelques idées précoces de grandeur, qui, étant semées avant le temps, peuvent nuire au développement de quelques qualités purement humaines—celles qui sont les plus précieuses, qui seuls constituent la grandeur humaine et doivent être conservées intactes. Son éducation doit le mettre au niveau de sa grandeur; mais ce n'est que lorsqu' il pourra comprendre que cette grandeur, pour ne pas être illusoire, doit être considérée non comme un privilège, mais comme un devoir, comme une religion sainte, comme un beau esclavage, qui attache l'homme comme un Promété à un rocher élevé, d'où il peut voir le ciel de plus près, mais où il y a aussi un vautour vengeur, qui déchire celui qui oserait envahir les droits célestes. Pardonnez, Madame, cette image un peu poétique, ma plume m'entraîne.

Mon inquiétude a été calmée par une autre idée: s'il a vu des scènes éblouissantes, il a vu aussi l'amour simple du peuple; cela aura laissé dans son âme vraiment sensible une trace profonde; il ne faut pas laisser s'effacer cette impression: c'est un canevas, sur lequel on peut broder beaucoup pour l'avenir. Une chose pourtant m'affait une véritable peine: j'ai lu dans les gazettes la description d'une parade, où notre petit grand Duc a paru à cheval. Madame, c'est une épisode superflue dans le beau poème, auquel nous travaillons. Au nom de Dieu, que de scènes pareilles n'aient pas lieu à l'avenir. Certainement les spectateurs ont dû être enhantés de la charmante apparition du bel enfant. Mais lui! Quelle impression doit produire sur son esprit une scène pareille.

(Quels ravages) Ne le ferait-on pas par cela sortir avant le temps du cercle de son enfance. Ne le mettons-nous pas en danger de croire qu' il est déjà homme. C'est comme si on

Я твердо вѣрю въ предсказаніе Вашей Матери: на главѣ Вашей почіеть благословеніе. Если желаешь добра съ готовностью полного самопожертвованія, если желаешь его съ настойчивымъ постоянствомъ, то всегда его можешь достигнуть. Первое—Государь уже проявилъ, второе—несомнѣнно при твердости его характера, неспособнаго къ колебанію въ виду препятствій, и при правдивомъ умѣ его, который сумѣетъ освѣтить свой путь разумомъ другихъ людей. Сознаюсь здѣсь откровенно, что я былъ нѣсколько встревоженъ при мысли о томъ вліяніи, которое великолѣпныя московскія сцены могли имѣть на умъ Великаго Князя. Подобныя впечатлѣнія въ столь нѣжномъ возрастѣ могутъ оставить неизгладимый слѣдъ на всю остальную жизнь. Свидѣтель этихъ народныхъ поклоненій, принимая въ нѣкоторыхъ случаяхъ почти личное въ нихъ участіе, онъ легко бы могъ усвоить себѣ нѣкоторыя незрѣлыя понятія о величіи, которыя, какъ несвоевременныя, могутъ вредить развитію свойствъ исключительно человѣческихъ, самыхъ драгоцѣнныхъ, единственныхъ, которыя составляютъ истинное достоинство человѣка и должны быть сохранены въ цѣлости. Воспитаніе должно возвысить его до предстоящаго ему величія; но это будетъ возможно лишь тогда, когда онъ будетъ въ состояніи понять, что это величіе, чтобъ не быть призрачнымъ, должно казаться ему не правомъ его, а долгомъ, священною религіею, великими узами, приковывающими человѣка, подобно Прометею, къ высокой скалѣ, откуда онъ можетъ ближе созерцать сводъ небесный, но гдѣ также существуетъ и коршунъ метатель, готовый растерзать того, кто дерзнетъ посягнуть на права небесныя!—Простите, Государыня, этотъ нѣсколько поэтический образъ: перо мое увлеклось! Другая мысль успокоила мою тревогу: если онъ видѣлъ великолѣпныя картины, то онъ видѣлъ также и простую любовь народа; она оставила глубокой слѣдъ въ его душѣ, по истинѣ чувствительной; не слѣдуетъ давать этому впечатлѣнію возможность изгладиться! На оной основѣ можно многое создать въ будущемъ. Никакія правила, проповѣдуемая учителями въ классахъ, не могутъ уравниваться въ силѣ съ впечатлѣніями ежедневной жизни.

Однако одно обстоятельство меня глубоко огорчило: Я читалъ въ газетахъ описаніе парада, гдѣ нашъ Великій Князь появился верхомъ. Государыня, это излишній эпизодъ въ прекрасной поэмѣ, надъ которой мы работаемъ. Ради Бога, не допускайте подобныхъ сценъ въ будущемъ. Безъ сомнѣія, зрители были въ восторгѣ отъ появленія красавца-ребенка. Но онъ? Какое впечатлѣніе должна произвести на его умъ подобная сцена? Не заставляютъ ли его такимъ образомъ

enseignait les artifices de la coquetterie à une fille de huit ans. Enfin doit-il par le plaisir que lui procureront tous ces joujoux militaires être gâté pour tout ce qui est sa vraie destination. Doit-il n'être qu' un militaire? n'exister que dans l'horizon reserré d'un général! Et quand aurons nous des législateurs? Quand respectera-t-on ce qui fait le vrai besoin des peuple: les loix, les lumières, les mœurs? Pardonnez, Madame, mes exclamations! mais ce goût du militaire ne fera que retrécir son âme, il s'accoutumera à ne voir dans le peuple qu' un régiment et dans sa patrie qu' une caserne! Nous en avons vu les effets; les armées ne font pas la puissance des pays, ni des souverains! Elles ne sont bonnes qu'à produire des 14 décembres, lorsqu'en régnant on ne pense qu'à l'organisation des armées. Ne croyez pas, Madame, que j'exagère en me recriant si fort contre un seul petit événement, si peu de chose en apparence.

Non, madame, je n'exagère pas. Aucun principe proclamé par les maîtres dans leurs classes, ne pourra être assez fort pour contrebalancer les impulsions de la vie habituelle. L'éducation ne s'attache pas à la table d'étude; elle n'est rien, si elle n'est pas pour l'enfant toute sa vie. Notre unique maître est notre destinée; ce que dans l'âge mûr nous faisons nous-mêmes, en raisonnant sur ce qui nous arrive et en réduisant nos raisonnements en principe de conduite pour notre avenir; le maître le fait pour son élève en raisonnant avec lui sur ce qui peut lui arriver, et le tout doit être soutenu par l'expérience journalière.

Autrement l'un sera détruit par l'autre. Il faut donc ne jamais devier du principe fondamental une fois admis: de celui de laisser le grand Duc pendant tout le temps de son éducation, c'est à dire pendant la première et la seconde période dans le cercle qui Lui convient. Il n'est déjà que trop entouré de distractions inévitables; il ne faut pas lui en créer de nouvelles, qui peuvent s'emparer de ses idées, changer leur direction, lui ôter le calme nécessaire pour acquérir des connaissances solides et des bonnes habitudes.

Je reviens à moi. Je commence par supplier votre Majesté d'exprimer ma vive reconnaissance à S. M. l' Empereur pour la grâce qu' Il a eu de se souvenir de moi dans l'époque de son couronnement. Sa Ma-

выйти преждевременно изъ его дѣтскаго круга. Не подвергаютъ ли его опасности вообразить, что онъ уже взрослый? Это все равно, что учить приемамъ кокетства восьмилѣтнюю дѣвочку. Наконецъ неужели возможно подобными военными игрушками отнимать у него вкусъ ко всему, что должно быть его истиннымъ назначеніемъ? Развѣ ему предстоитъ быть только военнымъ? Не знать иныхъ горизонтовъ кромѣ ограниченнаго круга генеральскихъ мировозрѣній? Когда же у насъ будутъ законодатели, когда станутъ оказывать уваженіе тому, что составляетъ истинную потребность народовъ: законамъ, просвѣщенію, нравамъ? Простите, Государыня, мои восклицанія! Но вкусъ къ военнымъ упражненіямъ съуживаетъ его душевный горизонтъ; онъ привыкнетъ видѣть въ народѣ только полки, а въ странѣ—казарму; когда государь царствуетъ, руководствуясь только подобными взглядами, они способны вызвать лишь 14 декабря. Не считайте, Государыня, что я преувеличиваю, придавая значеніе одному обстоятельству, столь маловажному на первый взглядъ. Нѣтъ, Государыня, я не преувеличиваю.

Воспитаніе не можетъ быть приковано къ учебному столу; оно не имѣетъ значенія, если оно не обнимаетъ всей жизни ребенка. Судьба—нашъ единственный наставникъ; то, что въ зрѣлыхъ лѣтахъ совершается нами лично путемъ размышленій о всѣхъ случайностяхъ нашей жизни, съ приведеніемъ всѣхъ этихъ размышленій къ одной системѣ дѣйствій, то дѣлаетъ наставникъ для своего воспитанника, обсуждая съ нимъ то, что можетъ съ нимъ случиться, и все это должно быть подкрѣпляемо ежедневнымъ опытомъ. Иначе одно будетъ уничтожаться другимъ. И потому не слѣдуетъ никогда уклоняться отъ основнаго, однажды навсегда усвоеннаго правила: постоянно оставлять Великаго Князя, въ продолженіе всего его воспитанія, т.е., въ первый и второй періоды, въ той средѣ, которая ему сродна. Онъ и безъ того уже слишкомъ окруженъ неизбѣжными развлеченіями; не слѣдуетъ создавать еще новыя, способныя овладѣть его мыслями, дать имъ другое направленіе и лишить его того спокойствія, которое необходимо для усвоенія добрыхъ привычекъ. Возвращаюсь теперь къ самому себѣ. Прежде всего умоляю Ваше Величество выразить мою живѣйшую благодарность Государю Императору за милостивую память обо мнѣ во время коронаціи. Его Величество, удаивая меня своего Монаршаго

jesté en m'honorant (d'avance de sa confiance) de son auguste confiance, à laquelle je n'ai d'autre droit que par mon ardeur sincère de la mériter, s'est mise en quelque manière dans l'impossibilité de m'accorder à l'avenir quelque récompense. Mais il m'est doux de pouvoir me glorifier aux yeux de mes compatriotes de l'approbation de mon Souverain. Tâcher de m'en rendre digne et ne jamais la rechercher—tel sera mon principe.—

Je remercie Sa Majesté pour la permission qu' Elle a bien voulu m'accorder de rester cet hyver en Allemagne. Je tâcherai de bien profiter de ce séjour. Tous les moments qui ne seront pas employés à mon traitement seront consacrés à mes préparatifs.

Je suis maintenant à Dresde, où je compte passer tout l'hyver. Par bonheur j'ai trouvé ici mes amis Tourguéneffs, avec lesquels je loge; et il me semble n'avoir pas quitté Pétersbourg, tellement je suis entré dans mon genre de vie habituel. Grâce aux lettres que j'ai reçues de Mörder et de Gill mon esprit est complètement tranquille sur les études du grand Duc; mon absence ne nuira à rien. (On aura assez pour s'occuper avec Lui; moi je m'occuperai ici de Lui. Et vraiment je sens). Je pourrai donc ici travailler pour Lui sans interruption et sans inquiétude.

Ma situation est vraiment heureuse. Je n'ai qu' une seule idée, elle me suit partout, mais elle ne me tourmente pas, c'est une idée d'affection qui anime mon existence. Tous les matins je me reveille de bonne heure et je commence mon travail; il est en apparence très-sec, ce sont des tableaux d'histoire que je compare, mais il a pour moi tout le charme de mes anciens travaux poétiques.

Toute la journée lui est consacrée et je ne m'interromps que pour une agréable promenade. Je ne vois presque personne, et je ne veux voir personne. Je ne suis pas ici un voyageur; je dois être ici, comme à Pétersbourg tout à mon affaire. Que puis-je désirer de plus!

Pour le présent une occupation qui ne laisse aucun vide dans l'âme; pour l'avenir la perspective de continuer pendant plusieurs années cette même occupation, qui s'étendra et se diversifiera à mesure que j'avancerai dans mon chemin. Et quel but au terme de la route! Oui tout a cessé pour moi d'être personnel (Toutes les idées se présentent à moi) Chaque bonne idée qui se presente a un intérêt particulier. La

довѣрія, на которое даетъ мнѣ нѣкоторое право лишь одно искреннее стремленіе заслужить его, тѣмъ самымъ какъ бы поставилъ себя въ невозможность пожаловать мнѣ еще какую-либо награду въ будущемъ; но мнѣ отрадно, что я могу гордиться передъ моими соотечественниками милостивымъ одобреніемъ моего Государя; сдѣлаться достойнымъ онаго, безъ всякаго искательства, будетъ служить мнѣ правиломъ на будущее время.

Приношу Его Величеству мою благодарность за дозволеніе провести зиму въ Германіи. Постараюсь, сколько возможно, воспользоваться этимъ пребываніемъ. Всѣ минуты, свободныя отъ лѣченія, будутъ посвящены моимъ приготовленіямъ.

Я нахожусь теперь въ Дрезденѣ, гдѣ намѣренъ провести всю зиму. Къ счастью, я нашелъ здѣсь моихъ друзей—Тургеневыхъ, съ которыми я и живу вмѣстѣ, и мнѣ кажется, будто я и не покидалъ Петербурга: въ такой степени я вернулся къ моему обычному образу жизни.

Благодаря письмамъ, полученнымъ мною отъ Мердера и Жилля, душа моя вполне покойна на счетъ занятій Великаго Князя; мое отсутствіе не принесетъ ни малѣйшаго вреда, такъ что мнѣ можно будетъ трудиться здѣсь для него безъ всякаго затрудненія и препятствія.

Мое положеніе истинно счастливое. Я весь поглощенъ одною мыслью, она всюду слѣдуетъ за мною, но не тревожитъ меня: эта мысль, основанная на любви, оживляетъ мое существованіе. Всякое утро я просыпаюсь рано и приступаю къ своей работѣ, повидимому, она кажется сухою—я составляю историческія таблицы; но она имѣетъ для меня всю прелесть моихъ прежнихъ поэтическихъ работъ. Весь мой день ей посвященъ, и я прерываю ее только для пріятной прогулки. Я почти никого не вижу и не желаю видѣть. Я нахожусь здѣсь не въ качествѣ путешественника; я долженъ здѣсь, какъ и въ Петербургѣ, всецѣло принадлежать моему труду. Чего я могу болѣе желать! Въ настоящемъ—занятіе, наполняющее душу; въ будущемъ продолженіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ того же занятія, которое будетъ расширяться и разнообразиться по мѣрѣ своего движенія впередъ. И какая цѣль въ концѣ всего пройденнаго пути! Да, у меня не осталось уже ничего личнаго! Всякая добрая мысль при своемъ зарожденіи уже имѣетъ свой особый интересъ.

Слава, долгъ, религія, любовь къ отечеству, словомъ, все, что присуще духовной сторонѣ человѣка, уже не останавливаетъ на себѣ моего вниманія исключительно ради меня самаго, но столько же ради того, въ душѣ котораго эти высокія мысли должны принести благодѣтельные плоды для человѣчества. Для меня явленія исторіи, люди, составившіе счастье или несчастье своего времени, не служатъ болѣе

gloire, le devoir, la religion, l'amour de la patrie, enfin tout ce qui appartient à l'homme moral, je n'y pense pas uniquement pour moi, mais tout autant par rapport à un quelqu' un, dans l'âme de qui ces grandes idées seront bienfaisantes pour l'humanité; les tableaux de l'histoire, les hommes, qui ont fait le bonheur ou le malheur de leur temps, ne sont plus pour moi de simples objets de curiosité, mais des leçons à donner, des modèles à proposer, des dangers à faire éviter (ce n'est plus pour moi chose vague) et l'étude a cessé pour moi d'être une occupation vague, elle est toujours et utilement applicable. J'aurais été complètement heureux, si l'idée de mon inexpérience ne venait souvent me tourmenter.

Cette inexpérience est un vrai mal, auquel il faudra absolument chercher un remède et peut-être le proposerai-je avec tems.

Je reste à Dresde tout le mois d' Octobre, Novembre et Décembre. Pour le Noël j'irai à Berlin, où je compte rester tout le mois de Janvier. Peut-être aurai-je le bonheur d'être present au Weihnachtsabend du Louisen-palais. Le séjour de Berlin sera pour moi une relâche. A la fin de Janvier je reviens à Dresde pour y rester les mois de Février et de Mars. Mon séjour à Ems ne commencera que vers la moitié de Mai (avant ce temps il ne m'est pas permis de prendre les bains). Je profiterai du mois d' Avril pour voir Paris (dans quel but, je l'expliquerai plus bas à V. M. I.), et je demanderai à S. M. I. la permission de faire ce voyage. Le reste de mon temps sera réglé par la marche de mon traitement.

J'aurais pu choisir Berlin pour mon séjour d'hyver, mais à Berlin il m'aurait été impossible de mener le genre de vie que je mène à Dresde; j'y serais trop entouré de distractions; j'ai dû faire ce sacrifice aux intérêts de mon travail. D'ailleurs à Dresde je me suis confié à Kreissig, qui a une expérience toute particulière dans le traitement de maladies pareilles à la mienne; et je suis ici un régime severe, ce qui me serait beaucoup plus difficile (impossible) à Berlin. Mais l'idée d'y passer un mois entier me réjouit le coeur, à présent plus que jamais, car d'après la lettre de V. M. I. je présume que j'y trouverai M-me Wildermeth*). Jusqu' ici j'étais persuadé qu' elle était à Moscou ou en chemin pour s'y rendre. Je lui avais écrit pour concerter mon plan avec le sien.

J'ai reçu un petit billet de M-e Kleist si illisible que je n'ai pu que deviner qu' elle se trouve maintenant à Breslau et il paraît qu' elle n'est

*) Наслѣдница Государыня Императрица Александра Оеодоровна (П. Б. младшій.)

простыми предметами любопытства; но я вижу въ нихъ уроки, которые могутъ быть преподаны, образцы, которые могутъ быть предложены, опасности, которыхъ слѣдуетъ избѣгать, и занятія утратили для меня свой неопредѣленный характеръ; они всегда могутъ имѣть свое полезное приложеніе. Я былъ бы совершенно счастливъ, если бы мысль о моей неопытности меня не тревожила такъ часто. Эта неопытность — положительное зло, для котораго непременно слѣдуетъ искать исхода и, быть-можетъ, со временемъ я самъ укажу на него.

Я пробуду въ Дрезденѣ весь Октябрь, Ноябрь и Декабрь; къ Рождеству отправляюсь въ Берлинъ, гдѣ намѣренъ провести весь Января мѣсяцъ. Быть можетъ, буду имѣть счастье присутствовать на елкѣ въ Louisenpalast. Это пребываніе въ Берлинѣ послужитъ мнѣ отдохновеніемъ. Въ концѣ Января, я вернусь въ Дрезденъ, чтобы пробить тамъ Февраль и Мартъ. Мое житье въ Эмсѣ начнется только въ концѣ Мая (до этого времени не позволяютъ принимать ваннъ). Я воспользуюсь апрѣлемъ мѣсяцемъ, чтобы увидѣть Парижъ (я объясню ниже Вашему Величеству съ какою цѣлью) и прошу дозволенія Государя Императора совершить эту поѣздку. Распредѣленіе остального времени будетъ зависѣть отъ хода моего лѣченія. Я бы могъ избрать Берлинъ мѣстомъ пребыванія на зиму; но въ Берлинѣ оказалось бы невозможнымъ вести тотъ образъ жизни, который я веду въ Дрезденѣ. Меня бы окружало слишкомъ много развлеченій; я вынужденъ былъ принести эту жертву для пользы моихъ занятій. Къ тому же въ Дрезденѣ я передалъ себя въ руки Крейсига, который славится особенною опытностью въ болѣзняхъ, подобнѣхъ моей, и я прохожу здѣсь весьма суровый курсъ лѣченія, что было бы для меня гораздо затруднительнѣе въ Берлинѣ; но мысль провести въ немъ цѣлый мѣсяцъ тѣшитъ мое сердце и теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь, потому что, по письму Вашего Императорскаго Величества, я рассчитываю застать тамъ г-жу Вильдерметъ. До сихъ поръ я былъ убѣжденъ, что она въ Москвѣ или на пути туда. Я въ скоромъ времени напишу къ ней, чтобы согласовать мои предположенія съ ея намѣреніями. Я получилъ отъ г-жи Клейстъ записочку, столь неразборчивую, что мнѣ остается только догадываться, что она теперь въ Бреславлѣ и, повидимому, не слишкомъ довольна своимъ положеніемъ. Она приглашаетъ навѣстить ее; но мои занятія не позволяютъ мнѣ оставить себѣ это истинное счастье. Беру смѣлость испросить согласіе Вашего Величества на одно предложеніе, выполненіе котораго могло бы принести великую пользу нашимъ занятіямъ. Слѣдовало бы воспользоваться моимъ пребываніемъ въ Германіи, чтобы составить самое полное собраніе всѣхъ предметовъ, могущихъ быть

pas très-contente de sa situation. Elle m'invite de l'aller voir, mais ni mes occupations (ni mes finances) ne me permettent pas de me procurer ce véritable bonheur.

Je prends la liberté de soumettre à l'approbation de V. M. I. une proposition dont l'acceptation pourrait être d'une très-grande utilité à la marche de nos études. Il (serait très bien) faudrait profiter de mon séjour en Allemagne pour faire un recueil le plus complet de tous les objets qui peuvent être nécessaires pendant tout le cours de l'instruction de Monseigneur tant au maître qu' à l'élève, en fait de gravures, livres, plans, cartes etc. etc. Les librairies de Pétersbourg sont en général assez mal garnies. On reste tout à fait dépendant du libraire, on perd beaucoup de temps pour faire venir de l'étranger les objets qui manquent, et ce que l'on trouve coûte toujours le triple. Etant au fait de ce qu' il nous faut à présent et de ce qui pourra être nécessaire après, je suis mieux que personne en état de faire ce recueil en l'adaptant strictement à notre plan d'études. J'aurais pu acheter les livres allemands à Leipzig et aller moi-même à Paris pour faire emplette de livres français et anglais, car ces derniers coûtent en Allemagne le double de ce qu' ils coûtent à Paris. De cette manière pour la même somme, que nous dépenserons en achat de différents objets à Pétersbourg, nous aurons le double ici. Il faut seulement assigner une somme assez considérable, au moins 2000 r. Cela (nous délierait tout à fait les mains, nous aurions eu tout ce qu' il nous faut et nous pourrions avancer sans interruption dans nos études) suffirait pour nous contenter pleinement pour dix ans.

Je distingue (les livres) tous ces objets nécessaires en III classe. 1-^{re}: Livres d'étude nécessaires pour l'élève et les maîtres dans le courant de toute l'étude. 2-^{me}: Livres de lecture. Choix d'ouvrages en tout genre qu' il devra bien connaître et dont la lecture progressivement complètera les leçons, reçues dans les classes. III-^e: gravures et cartes, absolument nécessaires pour mieux graver dans l'esprit ce qui sera enseigné ou lu. (De tout cela il ne verra) De tous ces objets il ne verra que ceux qui sont absolument nécessaires pour le moment présent, le reste sera sous la clef, mais chaque objet paraîtra à mesure que l'instruction le rendra intéressant et reveillera la curiosité. Mais je répète, il faut avoir tous ces objets en masse, pour pouvoir sans perdre le temps les employer en cas de besoin. Je supplie votre Majeste de vouloir bien être sous ce rapport mon interprète devant Sa Majesté Impériale.

необходимыми въ теченіе всего воспитанія Его Величества, какъ для наставника, такъ и для ученика, относительно книгъ, гравюръ, картъ, плановъ и пр. Петербургскіе книжные магазины вообще снабжены довольно скудно. Находишься въ полной зависимости отъ книгопродавцевъ, теряешь пропасть времени за выписываніемъ недостающихъ предметовъ изъ-за границы; а то, что имѣется подъ руками, стоитъ втрое дороже. Сознавая вполнѣ все то, что намъ теперь нужно и что можетъ быть необходимо впослѣдствіи, я лучше всякаго другого въ состояніи составить эту коллекцію, со строгимъ примѣненіемъ ея къ нашему учебному плану. Я бы могъ купить нѣмецкія картины въ Лейпцигѣ и отправиться самъ въ Парижъ для пріобрѣтенія французскихъ и англійскихъ книгъ, которыя въ Германіи вдвое дороже, чѣмъ въ Парижѣ. Такимъ образомъ за ту же сумму, которую мы истратили бы въ Петербургѣ, мы имѣли бы двойное количество и лучшаго разбора. Но слѣдуетъ только опредѣлить на этотъ предметъ довольно значительную сумму, не менѣе 2000 руб.; этого было бы достаточно для удовлетворенія нашихъ потребностей, по крайней мѣрѣ, на десять лѣтъ. Я раздѣляю всѣ предметы на три отдѣла: 1) учебныя книги, необходимыя, какъ для воспитанника, такъ и для учителей въ теченіе всего года; 2) книги для чтенія, выборъ всякаго рода произведеній, съ которыми ему слѣдуетъ ознакомиться и чтеніе которыхъ будетъ послѣдовательно дополнять уроки, преподаваемые въ классахъ; 3) гравюры и карты, положительно неизбѣжныя для того, чтобы запечатлѣть въ его умѣ все то, что будетъ имъ выучено и прочтено. Изъ всѣхъ этихъ предметовъ онъ будетъ пользоваться только тѣмъ, что необходимо въ данную минуту; остальное должно оставаться подъ ключомъ; но всякій предметъ будетъ появляться по мѣрѣ того, какъ преподаваніе сдѣлаетъ его занимательнымъ, возбудивъ любопытство. Но я повторяю, что всѣ эти научныя средства должны быть заготовлены, чтобы не теряя времени, воспользоваться ими въ случаѣ надобности. Умоляю Ваше Величество быть моимъ ходатаемъ передъ Государемъ Императоромъ. То, что я предлагаю, почитается мною дѣйствительно полезнымъ, и мнѣ было бы весьма желательно, для пользы нашихъ занятій, чтобы моя мысль удостоилась одобренія Его Величества. Не думаю, чтобы сумма, мною опредѣленная, была слишкомъ высока; въ сложности мы издержали бы болѣе того и при этомъ не имѣли бы всего, что намъ нужно, подвергаясь различнымъ затрудненіямъ. Повторяю, имѣть все подъ руками—облегчило бы чрезвычайно наши занятія и сократило бы много времени. Въ случаѣ, если Ваше Величество соизволите изъявить согласіе на мое предложеніе, то я просилъ бы безъ замедленія сдѣлать нужныя распоряженія относительно высылки денегъ,

Ce que je propose me pourrait être d'une utilité réelle, et je desire bien pour l'avantage de nos occupations, que Sa Maj. deigne approuver mon idée.

Je ne crois pas que la somme que j'ai indiquée soit trop forte; nous dépenserons beaucoup plus à la longue et nous n'aurons jamais tout ce qu' il nous faut et souvent nous serons dans l'embarras.

Je le répète: avoir tout à la fois faciliterait extrêmement nos occupations et nous économiserait beaucoup de tems. En cas que Sa Majesté deignera consentir à ce que je propose, je prie de faire sans delai les arrangements nécessaires par rapport à l'envoi de l'argent pour que je puisse à temps terminer tout à Leipzik avant mon départ pour Paris et pour qu' à Paris rien ne m'arrête.

A présent j'ose adresser à Votre Majesté deux prières. La première me regarde personnellement. Votre M. a déjà eu la bonté à s'intresser à moi par rapport à mon logement au palais. Mes chambres m'ont été désignées, Mr. Narichkine en a connaissance, et je suis très content du choix. Il s'agit seulement de me faire entrer en possession. C'est sur cela que je supplie V. M. de deigner dire un mot à Narichkine. M-me Voyeykoff changeant de logement, tous mes effets doivent rester sans abri; et je serais tiré d'un grand embarras, si on remettait toutes mes pauvres richesses au palais et les remettait a la garde de quelque истопникъ fidèle. Mr. Narichkine les prendra sous sa protection, s'il voit que V. M. deigne s'intresser au sort du voyageur malade. Je supplie V. M. de me pardonner de l'importuner de ces bagatelles; je m'adressa hardiment à votre bonté indulgente, ayant en vous ma constante protectrice.

Ma seconde prière regarde mon compagnon de voyage, le dessinateur Klara. Il s'agit d'accomplir le bienfait que sa Majesté a bien voulu deigner lui rendre en lui acordant la permission de me suivre. Klare a un vrai talent pour le dessin; il peut devenir un excellent peintre. Jusqu' ici il n'a eu aucun moyen de se perfectionner; il n'a jamais étudié la nature; il n'a fait que la deviner. L'emp. Alexandre a eu la bonté de le placer comme graveur à l' Ermitage. Revenu à Pétersbourg il ne verrait pas les beaux cites qu' il rencotre ici à chaque pas; il se rouillera dans sa routine, et son grand talent n'arrivera jamais à son développement. Ce que je demande, c'est de lui procurer la permission de sa M. I. de rester à l'étranger encore trois ans en lui conservant ses gages. Il pourra alors voir l' Ilalie et retourner en Russie à dater du

чтобы я во-время могъ покончить въ Лейпцигѣ до моего отъѣзда въ Парижъ, и чтобы въ Парижѣ ничто меня не стѣсняло. Теперь осмѣливаюсь обратиться къ Вашему Величеству съ двумя просьбами. Первая относится лично до меня.

Вашему Величеству уже угодно было принять во мнѣ участіе по вопросу о моей квартирѣ во дворцѣ. Мое помѣщеніе мнѣ было отведено, это извѣстно г-ну Нарышкину, и я очень доволенъ этимъ выборомъ. Нынѣ дѣло въ томъ, чтобы ввести меня во владѣніе, и насчетъ этого я умоляю Ваше Величество милостиво сказать нѣсколько словъ Нарышкину. Такъ какъ г-жа Воейкова мѣняетъ квартиру, то всѣ мои вещи остаются безъ пристанища, и я былъ бы выведенъ изъ большого затрудненія, если бы оказалось возможнымъ пріютить мои скудныя богатства во дворцѣ и ввѣрить ихъ надзору какого-нибудь честнаго истопника. Г. Нарышкинъ приметъ ихъ подъ свое покровительство, если онъ увидитъ, что Ваше Величество удостоиваете вашего вниманія больного странника. Прошу убѣдительно Ваше Величество простить мнѣ, что я осмѣливаюсь утруждать Васъ такими пустяками; я смѣло обращаюсь къ Вашей снисходительной благосклонности, видя въ Васъ мою постоянную покровительницу. Вторая моя просьба касается моего товарища, живописца Клары. Вопросъ въ томъ, чтобы довершить благодѣяніе, которое Его Величество ему оказалъ, дозволивъ ему сопровождать меня.

Клара одаренъ истиннымъ талантомъ въ живописи; онъ можетъ сдѣлаться отличнымъ художникомъ. До сихъ поръ онъ былъ лишень всѣхъ средствъ къ совершенствованію: онъ никогда не изучалъ природы, а только отгадывалъ ее. Императоръ Александръ возымѣлъ мысль опредѣлить его граверомъ въ Эрмитажъ.

Оставаясь въ Петербургѣ, онъ никогда не увидитъ тѣхъ прелестныхъ видовъ, которые онъ встрѣчаетъ здѣсь на каждомъ шагу; онъ заглохнетъ въ своей рутинѣ, и его замѣчательный талантъ никогда не достигнетъ своего развитія. Моя просьба заключается въ томъ, чтобы исходатайствовать ему соизволеніе Его Императорскаго Величества пробыть еще три года за границею съ сохраненіемъ содержанія (считая съ 1 Января 1827 г.).

Тогда онъ увидитъ Италію и вернется въ Россію, усовершенствовавъ свои дарованія, хорошимъ художникомъ и счастливымъ на всю жизнь. Присовокупляю здѣсь, что онъ совершенно бѣденъ и долженъ содержать престарѣлую мать, что было весьма для него трудно, потому что его талантъ доставлялъ ему до сихъ поръ очень скудныя средства.

Я выдаю здѣсь изрѣдка съ художникомъ Фридрихомъ. Въ его мастерской не имѣется ничего особенно замѣчательнаго по части

janvier 1827: perfectionné dans son art, bon peintre et heureux pour la vie. J'ajoute ici qu' il est complètement pauvre et qu' il doit nourrir une vieille mère ce qui lui était jusqu' ici très difficile des moyens que son talent lui procurait.

Je vois de temps en temps le peintre Friedrich. Il n'y a rien de très-admirable dans son atelier en fait de peinture. Il a seulement commencé un grand paysage, qui sera charmant, si l'exécution répond à l'idée. Une grande porte de fer qui mène à un cimetière, est ouverte; on voit près de cette porte appuyés à un des piliers et cachés par son ombre un homme et une femme; ce sont deux époux qui viennent d'enterrer leur enfant et qui visitent dans la nuit sa tombe. Ce qu' on distingue dans l'intérieur du cimetière ce n'est qu' une petite colline de gazon, près de laquelle on voit encore la pelle; (c'est le tombeau de l'enfant nouvellement fait, près de) non loin de lui se trouve un autre surmonté d'une urne: les cendres des (ses parents, de son père) aïeux de l'enfant y reposent.

(Il fait nuit) Le cimetière est couvert de sapins; (on distingue plus) il fait nuit; on ne voit pas la lune, mais elle doit être quelque part; un brouillard (à demi transparent s'étend sur) mouvant repose sur le cimetière; il (couvre) dérobe (à demi aux) les (rameaux) troncs d'arbres qui paraissent comme détachés de la terre; à travers son voile on distingue vaguement les autres tombeaux; et surtout un monument (de forme) rustique qui paraît comme un fantôme grisâtre. Tout cela forme un charmant paysage.

Mais le peintre a voulu faire plus: il a voulu nous faire penser à un autre monde. Les pauvres parents se sont arrêtés aux portes du cimetière (ils regardent attentivement); leurs yeux fixés sur la tombe de leur enfant sont frappés de quelque apparition mystérieuse. En effet de ce le brouillard mouvant qui s'entouvre se forme une apparition animée. Il leur (paraît) semble voir que l'enfant s'élève de sa tombe, (et) que les anges de paix avec une branche d'olivier voltigent audessus d'eux et les réunit. Aucune de ces formes aériennes n'est distincte: on ne voit rien qu' un brouillard, mais l'imagination complète l'indication du peintre et l'apparition sans rien ajouter au simple paysage (ne fait que) prête à son effet naturel (simple du paysage sans y ajouter rien d'étranger, qui aurait pu lui nuire).

Il possède encore sept dessins en sépia, dont l'idée est vraiment (si charmane) belle. Le sujet en est (les quatre parties): die Vorzeit, die

живописи онъ только что началъ большой пейзажъ, который будетъ прелестенъ, если выполнение будетъ соответствовать идеѣ.

Большая желѣзная дверь, ведущая на кладбище, отперта; вблизи отъ этой двери виднѣются въ тѣни ея, опершись на одинъ изъ ея столбовъ, мужчина и женщина. Это супруги, только что схоронившіе свое дитя; они видятъ среди ночного мрака его могилу, которую можно различить въ глубинѣ кладбища; это просто холмикъ изъ дерна съ лежащею подлѣ лопатой, недалеко отъ этой могилы замѣтна другая съ возвышающеюся надъ нею урною; здѣсь покоится прахъ предковъ ребенка.

Кладбище наполнено соснами; ночь, луны не видно, но она гдѣ-то свѣтитъ. Колеблющаяся мгла почіетъ на кладбищѣ; она скрываетъ отъ глазъ корни сосенъ, которыя представляются какъ бы отставшими отъ земли; сквозь эту завѣсу весьма смутно различаются остальные могилы и въ особенности ихъ сельскіе, простые памятники; длинный камень, утвержденный стоймя, представляется какимъ-то сѣроватымъ призракомъ: все это вмѣстѣ образуетъ прелестный пейзажъ, но художникъ имѣлъ въ виду высшую цѣль; онъ хотѣлъ обратить наши мысли къ будущей жизни. Несчастные родители остановились въ дверяхъ кладбища. Ихъ взоръ, обращенный къ могилѣ ихъ ребенка, пораженъ какимъ-то таинственнымъ видѣніемъ. И: точно колеблющійся туманъ, ее окружающій, кажется оживленнымъ; имъ представляется, что ихъ дитя возстаетъ изъ могилы, что тѣни его предковъ направляются къ нему, простирая свои объятія, и что ангелы мира съ масленичною вѣтвью витаютъ надъ ними и соединяютъ ихъ. Ни одинъ изъ этихъ воздушныхъ образовъ не выдѣляется ясно, виднѣется одинъ туманъ; но воображеніе дополняетъ намекъ художника, и это видѣніе, не добавляя ничего къ этому простому пейзажу, только придаетъ естественность явленію...

У него есть еще семь рисунковъ сепіей, идея которыхъ прекрасна. Ихъ сюжетъ: *die Vorzeit*—давнопрошедшее; *die Zeit*—текущее; *die Nachzeit*—будущее. Они представляютъ одновременно различныя эпохи существованія міра, а также четыре времени дня и четыре возраста челоуѣка и его судьбу послѣ смерти. Несмотря на такое разнообразіе сюжета, исполненіе проникнуто единствомъ идеи.

Первый рисунокъ—*die Vorzeit*. Необъятная водная поверхность; земля скрыта подъ бездной; еще ничего нельзя разобрать; волны широкія; чувствуется, что онѣ покрываютъ бездонную глубину; небо безоб-

Zeit, die Nachzeit. En meme temps ils représentent les différentes époques de la nature, aussi que les quatre parties du jour, les quatre âges de l'homme et sa destination après la mort. Malgré cette diversité d'aspects il reigné une parfaite unité dans l'exécution. Le premier dessin, Vorzeit. Une immense surface d'eau, la terre est sous l'abîme; rien ne parait pas encore; les vagues sont larges, on sent qu'elles couvrent une profondeur immense; le ciel est sans nuages, il n'est pas encore éclairé, mais le soleil s'annonce déjà par ses rayons, dont quelques uns rasant la surface de cet abîme, qui a précédé les siècles, et d'autres atteignent déjà la hauteur du ciel, et formant avec leurs reflets sur l'eau un cercle complet, précèdent en quelque manière l'emploi de ce qui va commencer, puis venir à sa maturité et finir. Les formes mouvantes et passagères des vagues sont (en quelque manière l'emblème) l'image de ce qui va exister et passer: le ciel immobile et sans nuage présente l'éternité immobile. Un seul endroit indique quelque chose qui doit avoir déjà une forme: on voit (dans les) quelques vagues s'élever en écume: il semble qu'elle se heurtent et se brisent comme quelque chose (qui se cache encore dans leur sein) d'invisible. La terre n'est pas loin: bientôt les (vagues) ondes s'accoucheront (et le monde et) et l'univers sortira de son enveloppe et la vie commencera. 2-e, 3, 4-e, 5 dessin. Die Zeit. 2. Enfance de l'univers et de l'homme, matin: Le ciel est sans nuage (la lumière arrive. La lumière dans) le jour a commencé. Tout fleurit; le premier plan est couvert de ces fleurs qui viennent les premières au printemps; au milieu des (plantes se) herbes serpente un ruisseau, on voit des collines vertes et (des) quelques oiseaux à peine sortis de leur nid; il n'y a pas encore d'arbres (mais) il n'y a que des arbrisseaux, les premiers que fleurissent au printemps. Au milieu des fleurs on voit un couple d'enfants qui sont éclairés par les rayons du matin; ils regardent voliger deux papillons; (qui sont à pei) nouvellement (sortis) échappés de leur enveloppe: image de l'âme humaine, qui commence son existence terrestre. Tout annonce (la jeunesse) l'enfance de la terre, du jour et de de l'homme. Les couleurs sont fraîches et brillantes; les rayons du soleil sont encore vierges: le ciel n'a pas de nuage, comme l'enfance qui ne connaît pas encore les soucis; et (la perspective) l'horizon est rétréci: les objets qui entourent les enfants sont petits et proches, comme leurs jouissances qui sont toutes dans le (avenir) présent, et qui ne se mêlent pas encore d'espérance...—3 dessein, Jeunesse de l'univers et de l'homme. Midi. La lumière vient d'en face. Le ciel est encore pur, mais de légers nuages s'y promènent. L'horizon est étendu, (on voit un long vallon qui se perd dans le lointain); les collines sont devenues montagnes (couvertes de gazon); le ruisseau—rivière et

лачное; оно еще не освѣщено, но солнце уже возвѣщаетъ о себѣ лучами, изъ которыхъ нѣкоторые скользятъ по этому хаосу, предшествующему вѣкамъ, а другіе уже разливаются по небу, и образуя съ своими отраженіями на волнахъ почти полный кругъ, представляютъ нѣкоторымъ образомъ символъ того, что должно начаться, достигнуть полнаго развитія и кончиться. Подвижныя очертанія волнъ—образъ того, что будетъ существовать и исчезнетъ; неподвижное и безоблачное небо олицетворяетъ непреходящую вѣчность. Въ одномъ только мѣстѣ обрисовывается нѣчто, что должно имѣть форму: нѣсколько волнъ поднимаются, пѣнясь; онѣ какъ будто бьются и рвутся о что-то несказанное. Земля недалеко; скоро волны схлынутъ; вселенная выйдетъ изъ окружающей ее оболочки, и жизнь начнется.

2, 3, 4, 5 рисунки. *Die Zeit*—текущее.

2. *Дѣтство вселенной и человека.* Небо безоблачное, день занялся, первый планъ покрытъ первыми весенними цвѣтами; среди травъ извивается ручеекъ, видны зеленые холмы, нѣсколько птицъ, только что вылетѣвшихъ изъ гнѣздъ; деревья въ еще нѣтъ, есть только кусты, цвѣтушіе весной, среди цвѣтовъ видно двое дѣтей, освѣщенныхъ лучами утренняго солнца; они слѣдятъ за двумя порхающими бабочками, только что выплывшими изъ своей оболочки: это эмблема души, начинающей свое земное существованіе. Все возвѣщаетъ дѣтство земли, дня и человека. Краски свѣжи и ярки; лучи солнца еще не затемнены ничѣмъ; на небѣ—ни облачка, какъ на челѣ ребенка, еще не знающаго заботъ; и горизонтъ не обширенъ. Предметы, окружающіе дѣтей малы и близки, подобно ихъ забавамъ, ограничивающимся настоящимъ и не знающимъ еще надежды.

Третій рисунокъ; *Молодость вселенной и человека.* Свѣтъ ударяетъ спереди. Небо еще чисто, но легкія облака уже проносятся по нему. Горизонтъ обширный; сводъ неба теряется въ дали; холмы превратились въ горы; ручей—въ рѣку, а деревья въ лѣса, среди дере-

les arbrisseaux—arbres; mais tout—air et terre (est gracieux et) est riant; on voit au milieu des arbres quelques habitations éparses; on voit un sentier et des haies: les réunions, les communications humaines et la propriété ont déjà commencé. (Sous les arbres) A l'ombre d'un arbre on voit un jeune homme et une jeune fille se tenant par la main et tout près un couple de colombes.

La nature est arrivée à son point le plus brillant. Les couleurs sont éclatantes (tout brille), mais l'ombre se mêle déjà à la lumière. L'étendue de la perspective annonce (déjà) que l'esprit a pris déjà son essor et que l'âme humaine (est sortie de son calme) remuée par les dessins vagues et l'inconnu (qui la remuent), est sortie de son calme.

4-me—La maturité de la nature et de l'homme. Soir. La lumière arrive de côté contraire. Le ciel est tourmenté de nuages, dont quelques uns sont orageux. Mais par ci par là à travers ces nuages on voit briller l'azur. Tout a pris un caractère de couleur un peu sévère et grand. Les arbres sont vigoureux.

Les montagnes escarpées et boisées (sont couvertes) sont surmontées d'énormes rochers nus, entrecoupés de précipices. La rivière est devenue un large fleuve, qui porte des bateaux chargés des produits de l'industrie (humaine); dans l'éloignement on voit une ville magnifique. La nature et la société humaine sont parvenus à leur complet développement. Deux aigles (planent), image de la force et (du cour) de l'activité courageuse, planent au haut du ciel.

Sur le premier plan, près d'une pente rapide on voit (encore le même) le couple précédant, déjà homme et femme. L'homme est armé; il montre la ville—théâtre de son activité mâle: la femme montre un sentier, qui serpente parmi des rochers et mène à leur cime surmontée d'une croix: image de la patience et de la religion, destination (particulière) paisible de la femme. A côté du sentier qui descend vers la ville, on voit un superbe monument funéraire: il indique que l'activité utile couronnée de gloire par la postérité reconnaissante est inséparable du danger et demande le sacrifice de soi-même.

5-e Vieillesse de la nature et de l'homme. Soir. La lumière arrive de nouveau d'en face, mais ce n'est plus déjà la même lumière: le soleil a disparu (la terre est éclairée), il est remplacé par (les minces) les tendres rayons de la lune. (Tout le ciel est couvert d'un

вьевъ видно нѣсколько жилищъ, тропинки и изгороди: совмѣстное жительство и сообщенія завязываются и собственность уже появилась. Въ тѣни дерева, виденъ юноша и молодая дѣвушка, держащiе другъ друга за руки, а вблизи пара голубей. Природа достигла своего наиболѣе блестящаго развитiя. Краски ослѣпительныя, но тѣнь уже примѣшивается къ свѣту. Ширина перспективы возвѣщаетъ, что мысль уже развивается и что душа человѣческая, полная непредѣленныхъ стремленiй и думъ о будущемъ, вышла изъ своего спокойствiя.

Зрѣлость природы и челоька. Свѣтъ падаетъ съ противоположной стороны. Тучи заволокли небо, изъ нихъ нѣкоторыя грозныя; но мѣстами черезъ эти тучи видна синева неба; все приняло характеръ строгiй и величественный. Кругомъ горы, усѣяны огромными скалами, перерѣзаны пропастями; рѣка сдѣлалась широка; она несетъ огромныя суда, нагруженныя произведенiями промышленности, вдали виденъ великолѣпный городъ. Природа и челоькъ достигли своего полнаго развитiя. Два орла—эмблемы силы и мужественной дѣятельности парятъ въ высотѣ. Близъ крутого ската видна та же пара—уже мущина и женщина. Мущина вооруженъ, онъ указываетъ рукой на городъ, арену его мужеской дѣятельности: женщина указываетъ на тропинку, извивающуюся среди скалъ и ведущую на ихъ вершину, увѣчанную крестомъ, эмблемою терпѣнiя, религiи, мирнаго назначенiя женщины. На краю тропинки, спускающейся къ городу, виденъ великолѣпный надгробный памятникъ. Онъ указываетъ, что полезная дѣятельность, увѣчанная благодарнымъ потомствомъ, неразлучна съ опасностью и требуетъ самопожертвованiя съ нашей стороны.

5. *Старость природы и челоька.* Свѣтъ льется снова съ передняго плана, но это уже не прежнiй свѣтъ; солнце исчезло, его замѣнила луна (все небо покрыто сплошнымъ облакомъ за исключенiемъ маленькаго пространства на краю горизонта, представляющаго безбрежное море, безъ пустыннаго берега, гдѣ небо сливалось бы съ волнами). На песчаномъ бесплодномъ берегу видны

nuage uniforme (et continu, il ne reste qu' un petit espace au bord de l'horizon, qui n'est autre chose qu' une mer sans bornes). Sur un rivage désert, battu par cette mer, où le ciel se réunit à une mer sans bornes on voit un rivage sablonneux et aride. Les arbres sont dépouillés et quelques uns même brisés. (Sur ce bord près de la mer) Près de ce rivage sablonneux on voit les ruines d'une église, entourée de tombeaux, aussi en ruines; et le temple consacré, et ceux qui jadis y ont adoré Dieu— tout a péri; les arbres qui entourent cette enceinte sont defeuillés (et se brisent, sont rompus), et brisés! Le ciel est couvert d'un nuage nébuleux et uniforme; (il n'en reste qu' un petit espace) mais les bords de ce nuage sont éclairés par la lune qui brille sur l'horizon en (éclairant par ci par là) projetant ses rayons sur la surface de la mer (très rembrunie par le nuage) noircie par les nuages. Parmi les anciens tombeaux on voit une fosse nouvellement creusée.

Un vieillard avec sa vieille compagne sont assis près d'elle; le vieillard s'appuie encore sur un bâton; celui de la vieille est rompu et tombe dans la fosse. Tout ici meurt: et la nature et l'homme; mais (cette lumière d'un astre qui) les rayons de cet astre de la nuit qui emprunte sa lumière de celui qui répand le jour, éclairent l'homme à travers les ruines qui l'environnent et pénètre même dans la fosse (qui lui est préparée) qui va l'engloutir.

6-me. *Nachzeit* (la nature abandonnée par l'homme) L'activité de l'âme sur la terre est finie. L'homme a disparu, toute activité meurt et cesse, (il ne reste... mais le mouvement physique dure encore). On voit à l'entrée d'une caverne de stalactites, encombrée de ruines de rochers, deux squelettes, unique monument de la vie humaine qui a cessé pour toujours. Ils sont éclairés par la lune (La lune qui est vue par des nuages, vaporeux: mais des nuages s'amoncellent pour voiler cette lune: quelques gouttes tombant à travers les rochers brillent à ses rayons et annoncent un reste de mouvement). Il n'y a de nouveau que dans les nuages, qui s'amoncellent pour dévorer la lune et dans quelques gouttes qui tombent en brillant à travers les rochers pour former une nouvelle couronne de stalactites.

7. *Nachzeit*. L'homme après avoir quitté la terre. Rien ne rappelle la terre qu' un amas de nuages qu' elle produit, aus dessus desquels brille une lumière céleste, éclatante et pure. Le bas de ces nuages est sombre, mais plus ils s'approchent de de la lumière, plus ils deviennent brillants. Les plus élevés sont eux-mêmes comme une lu-

развалины церкви, окруженной могилами. И храмъ, посвященный Божеству и тѣ, кто нѣкогда наклонялись здѣсь своему Богу—все погибло. Деревья, окружающіе эту ограду, стоятъ безъ листьевъ и изломаны; небо покрыто однообразнымъ сѣрымъ облакомъ, но края этого облака озарены луною, которая свѣтитъ на горизонтъ, бросая свои лучи на поверхность моря, затемненную тучами. Среди древнихъ гробницъ видна только что вырытая могила, у края ея сидитъ старикъ съ своей старой подругой. Старикъ еще опирается на свою палку, но палка старухи уже сломана и упала въ могилу. Все умираетъ и природа и люди, но лучи ночного свѣтила, заимствующаго свой свѣтъ отъ дневного, освѣщаютъ человѣка черезъ развалины его окружающіе и даже проникаютъ въ могилу, готовую его поглотить.

6. *Nachzeit.* Будущее. У входа въ сталактитовую пещеру, окруженную обломками скалъ, лежатъ два скелета: они освѣщены луной. Это единственный памятникъ человѣческой жизни, которая прекратилась навсегда. Кругомъ все вымерло. Движеніе видно только въ облакахъ, которыя сгущиваются, чтобы поглотить луну, и въ нѣсколькихъ капляхъ, падающихъ сверкая черезъ скалу, образуя новыя колонны сталактитовъ.

7. *Nachzeit.* Человѣкъ покинувшій землю. Ничто не напоминаетъ земли, за исключеніемъ скопленія облаковъ, производимыхъ ею. Надъ ними сверкаетъ небесный свѣтъ, ослѣпительный и чистый. Нижній край этихъ облаковъ темень, но по мѣрѣ приближенія къ свѣту они становятся прозрачнѣе, самыя высокія сами какъ свѣтъ. На этихъ облакахъ, передъ этимъ таинственнымъ свѣтомъ видны два ангела. Одинъ погруженъ въ спокойное созерцаніе—это мужчина. Онъ какъ будто говоритъ: „Я вижу то, чему вѣрилъ“. Другой склонился и проливаетъ слезы—это женщина. Она какъ бы говоритъ: „Я поклонюсь на небѣ тому, что любила на землѣ“.

Я увлекся удовольствіемъ описать Вашему Императорскому Величеству новыя произведенія геніаль-

mière. Sur ces nuages devant cette lumière mystérieuse qu' ils dérobent au spectateur, se trouvent deux anges: l'un contemple dans un ravissement calme! C'est l'homme. Il semble dire: „Je sais ce que j'ai vu“. L'autre (couvre les yeux en adorant) s'incline et paraît verser des larmes. C'est la femme. Elle semble dire: „J'adore au ciel ce que j'ai aimé sur la terr.“

Je me suis laissé entraîner au plaisir de décrire à votre Majesté ces nouvelles production du génial Friederich. Ce ne sont que de légers dessins au soepia. Je suis certain qu' ils sont superbes executés en grand à l'huile. J'ai demandé à Friederich s'il se proposait d'entreprendre ce grand travail (et s'il consenterait à le faire) au cas qu' on le lui proposait. Il m'a répondu négativement, disant qu' il lui était impossible de s'assugettir pour quelques ans à un seul travail, que s'occupant exclusivement d'un seul objet il devrait lui sacrifier toutes les idées qui pourraient lui venir daut la tête et que n'étant pas libre il travaillerait sans jouissance. Cette réponse est d'un vrai artiste. Mais j'avoue que j'aurais bien désiré que votre Majesté possédât de pareils tableaux. Si vous ordonnez, je ferai la proposition à Friedrich. Peut-être consentira-t-il de fournir un tableau par an. Si non, je voudrais au moins m'emparer pour vous des dessins; ils sont très-légerement fait. Le sujet n'a pu être qu' indiqué, mais ils sont jolis. (J'en ai demandé le prix. Friedrich m'a répondu qu' il ne pouvait pas le fixer, que ces dessins n'ont d'autre prix que celui de l'idée; qu' ordinairement il se faisait payer de pareils dessins à 3 louis la pièce, mais qu' ici il devait s'en rapporter au sentiment de l'amateur). Il possède encore une quarantaine de dessins à l'aquarelle, faits d'apres nature dans l'île de Ruguen; c'est une collection unique.

Ma lettre est énorme. Je demande très humblement pardon à votre Majesté I. Je finis en mettant aux pieds de V. M. les expressions d'un attachement inviolable et d'une profonde reconnaissance qui ne finira qu' avec ma vie.

наго Фридриха; это не болѣе какъ легкія наброски сепіей; я увѣренъ, что они будутъ великолѣпны, исполненные въ большомъ размѣрѣ маслянными красками. Я спросилъ у Фридриха, намѣревается ли онъ предпринять эту большую работу, если бы ему предложили. Онъ мнѣ отвѣчалъ отрицательно, говоря, что ему невозможно отдать себя на нѣсколько лѣтъ этой единственной работѣ, что занимаясь исключительно однимъ предметомъ, онъ долженъ будетъ принести ему въ жертву всѣ идеи, которыя могли бы зародиться въ его умѣ, и сталъ бы работать безъ удовольствія. Это отвѣтъ истиннаго художника. Но признаюсь, мнѣ очень бы хотѣлось, чтобы Ваше Величество имѣло въ своемъ обладаніи подобныя картины. Если Вы пожелаете—сдѣлаю предложеніе Фридриху, можетъ быть онъ согласится писать по одной картинѣ въ годъ: если же нѣтъ, я желалъ бы захватить для Васъ этюды; это легкіе наброски, сюжетъ только намѣченъ, но они очень красивы. (Я спросилъ цѣну у Фридриха, онъ мнѣ отвѣтилъ, что картина неоконченная не имѣетъ другой цѣны, кромѣ ея замысла; что обыкновенно платятъ за нихъ по три лундора, но онъ предоставляетъ это усмотренію любителя). Онъ имѣетъ около сорока рисунковъ акварелью, сдѣланныхъ съ натуры на островѣ Рюгенѣ; это коллекція единственная.

Мое письмо необъятно! Прошу прощенія у Вашего Императорскаго Величества и повергаю къ стопамъ Вашего Величества выраженіе безконечной привязанности и благодарности, которая умереть только вмѣстѣ со мною. .

